

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Кузеванова Виктора Сергеевича «Сибирские архитекторы в 1930-е – 1950-е гг.: профессиональная деятельность, социальные институты и повседневные практики (на материалах Омска и Новосибирска)», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Интерес к феномену командно-административной системы, сложившейся в СССР в 30-40 гг. XX в., остается высоким. Российские и зарубежные ученые акцентируют внимание на предпосылках, функционировании, трагических социальных последствиях сталинской модернизации. За пределами пристального внимания остаются интересы и реакция тех, на кого были направлены масштабные преобразования, - т.н. социальная история. Автор исследования обращает внимание на деятельность архитекторов двух западносибирских городов в контексте исторической эпохи. Не опровергая детерминации административно-политического аспекта во взаимодействии власти и интеллигенции, В. С. Кузеванов задается вопросом: как сама интеллигенция, в частности архитекторы, воспринимали рамочные условия своей жизнедеятельности через призму системы политического управления архитектурой и строительством, институционализации (создания союза Советских архитекторов, введения должности и статуса главного городского архитектора, профессиональной и повседневной практики).

Таким образом, научная значимость диссертации определяется относительно односторонним видением периода 30 -50-х гг. XX века в существующей историографической традиции, тогда как социальный аспект в его обратной взаимосвязи с политическим представлен фрагментарно.

Актуальность темы диссертации В. С. Кузеванова обусловлена значимостью модернизационных процессов, происходящих в настоящее время как в российском обществе в целом, так и в социальной сфере

профессиональной деятельности в частности. Эти процессы, с одной стороны, определяются фактором трансформации индустриального общества в постиндустриальное, с другой стороны, действием вызовов, которые посылает инновационная экономика. В таких рамочных условиях роль корпоративного (социального) участия становится объективной необходимостью и важной предпосылкой общественного прогресса.

В связи с этим выбранная автором тема исследования имеет важное значение как с точки зрения поиска новых подходов к уже хорошо известным событиям в российской истории, так и с точки зрения практического использования исторического опыта в процессе социально-экономической и политической адаптации высококвалифицированных специалистов в новых исторических реалиях.

С определением диссертантом объекта, предмета, целей, задач, территориальных рамок, методологической и источниковой базы исследования следует согласиться.

Междисциплинарное видение исследуемой проблемы деятельности архитекторов в их повседневной профессиональной практике в рамках тоталитарной идеологии и их отношение к спускаемым сверху проектам властных структур имеет научный интерес с точки зрения специфики бытования архитектурного сообщества в указанных временных и территориальных рамках.

Соискатель хорошо ориентируется в историографии проблемы. Автором анализируется степень изученности проблемы: в работе нашли отражение как вопросы, имеющие более или менее законченное осмысление в историографии («отраслевые» исследования по истории архитектуры и градостроительства, труды по истории социальных институтов и общественных объединений, где нашли отражение проблемы истории сибирских городов и производственные практики архитекторов), так и вопросы, слабо изученные (творческие, профессиональные искания проектировщиков в рамках тоталитарной культуры).

Приведенная автором историографическая периодизация показывает реальное движение проблематики, степень профессионализации ее исследований. В частности обращается внимание на смещение акцента в отраслевых исследованиях 1990 – 2000-е гг. в творчестве архитектурного сообщества с политической в социальную сторону, общественной значимости их деятельности (рукопись, с. 6 – 8). Данное обстоятельство позволило диссертанту выйти на уровень исследовательского обобщения во второй главе диссертации (рукопись, с. 137 - 157).

Однако стремление автора проследить по имеющейся разнородной литературе и источниковой базе (где нашли отражение биографии архитекторов, истории проектирования и строительства зданий, институализация архитектурной деятельности и даже архитектурные проекты) сибирского архитектора как социального статусного феномена не избежало противоречивого осмысления профессиональной деятельности архитекторов под влиянием рамочной социально-политической ситуации, влияние которой способствует унификации. Командно-административная система ограничивала инициативу творческого человека до уровня *исполнителя* (В.Л. Соскин. Советская тоталитарная культура: у истоков. 1917 – 1920 гг. – Екатеринбург, 1995. – С. 10), что, в свою очередь, ставило под сомнение реализацию корпоративных интересов в советскую эпоху.

Вместе с тем важно отметить последовательность автора в характеристике новосибирских и омских архитекторов, приведшую к выявлению в их деятельности особенностей. Видя в них штучный социальный материал, собственно творческая деятельность которого была крайне ограничена, но все же имела место (и в этом случае, на наш взгляд, вполне уместна авторская позиция в привлечении историком исключительно профессиональной документации архитекторов (чертежей) как исторического источника в целом).

В.С. Кузеванов рассмотрел архитекторов как самостоятельный отряд интеллигенции на примере двух регионов Западной Сибири (рукопись, главы

2, 3). Тщательным образом представлены и обобщены замыслы архитекторов, их профессиональная деятельность; архитектурно-планировочные особенности Новосибирска и Омска, общественная деятельность архитекторов в период становления и утверждения командно-административной системы.

Вместе с тем работа не лишена некоторых недостатков и может быть даже излишеств.

1. Остается не бесспорным вопрос, насколько успешно диссертант преодолел замечание, которое он высказал в адрес автора М.Л. Муртазиной: «В самой работе автор не воспринимает проект как исторический источник, возможно, как «очередной» документ с изображением здания (подобно фотографии). Для такого уникального источника необходим особый принцип работы» (рукопись, с. 15). В.С. Кузеванов, напротив, выявил 700 фотопроектов (рукопись, с. 47), рассмотрел проектную документацию и графические листы архитектурных работ 1930–1950-х гг. Среди них – 300 оригинальных работ, около 130 работ представленных в экспозициях и хранилищах музеев и др. При этом в диссертационном исследовании не назван метод их исследования и то, какой аспект в научном изыскании подобная кропотливая работа помогла прояснить. Справедливости ради следует сказать, что в автореферате в разделе научная новизна говорится: «Необходимость введения новых источников привела к созданию рабочей методики анализа архитектурно-проектной документации» (автореферат, с. 12).

2. В диссертационном исследовании имеет место вольное обращение с терминами «отряд», «подотряд». В одном случае архитекторы именуются как отряд интеллигенции (рукопись, с.3, 5, 37), в другом - как подотряд советской интеллигенции (рукопись, с. 48, 53).

3. Автору диссертации не удалось избежать чрезмерной детализации специальных архитектурных пояснений в описании фасадов зданий в ущерб выявления социальной значимости этих проектов (Глава 2. параграф 2.

Производственная деятельность архитекторов Омска в персональном измерении).

4. Имеют место грамматические ошибки и опечатки (выделено курсивом): «Д. Хмельницкий обращает внимание на *совпадения* двух событий: в творческом плане – конкурса на идею для проекта Дворца Советов в Москве, и в политическом – *начала* политического объединения разрозненных объединений» (рукопись, с. 58); «Идеологичность *определяло* вектор деятельности и творчества архитектора» (рукопись, с. 138).

Указанные замечания не носят принципиального характера, не снижают высокого исследовательского уровня работы.

Диссертация «Сибирские архитекторы в 1930-е – 1950-е гг.: профессиональная деятельность, социальные институты и повседневные практики (на материалах Омска и Новосибирска)» отличается оригинальностью, новизной исследовательских подходов и соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842. В.С. Кузеванов заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Федорова Марина Ивановна, к. ист. н.,
доцент кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин
Омского государственного
института сервиса.
Омск 644031, ул. Омская 162 кв. 69;
Телефон: 8-906-991-53-71;
e_mail: fmi_2005@mail.ru.

М.И. Федорова